

МИХАИЛ
БАРАНОВСКИЙ

НОВЫЙ ДЕТСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Я ВОСПИТЫВАЮ
ПАПУ-3

ИЛИ

ПЕРВОЕ
СВИДАННИЕ

Михаил Барановский
Я воспитываю папу – 3,
или Первое свидание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39466793

ISBN 9785449391360

Аннотация

«Первое свидание» – третья книга автора из серии «Я воспитываю папу». Десятилетний Марик и его папа становятся героями новых неожиданных сюжетов, находят хитроумные компромиссы, делятся друг с другом невероятно смешными и дико страшными историями из собственной жизни.

Я воспитываю папу – 3, или Первое свидание

Михаил Барановский

Оформление обложки и иллюстрации Михаил Барановский

© Михаил Барановский, 2018

ISBN 978-5-4493-9136-0 (т. 3)

ISBN 978-5-4493-9137-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОГЛАВЛЕНИЕ

АРОМАТЫ

О ЧЕМ Я НЕ СТАНУ РАССКАЗЫВАТЬ
СВОИМ ВНУКАМ

МОЛЧАНИЕ ШАРЛОТКИ

ЗА БОТИНКАМИ

ЖУТКОЕ ВРЕМЯ

СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ

МЫ ОБЯЗАТЕЛЬНО ВСТРЕТИМСЯ

ЕРУНДА

НЕ САМАЯ СИЛЬНАЯ СТОРОНА

ТАЙНА БАГАЖНИКА

АНЕКДОТ

ТАРАНТЕЛЛА

НЕ ТЕРЯЙ ГОЛОВУ!

БАБЛ-ГАМ

ХАРИЗМА

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

АРОМАТЫ

Люблю ходить с папой на рынок. Я бы хотел все это нарисовать... Например, арбуз, разрезанный на две половинки, – одна как солнце, заходящее за морской горизонт, другая – как его отражение. Или вот зубастая кукуруза скалится за зеленым занавесом. Или даже темно-синие, блестящие баклажаны! Кажется, их только что выловили из моря – так они похожи на детенышей китов. Даже жалко их немного.

– Мандарины, – интересуется папа, – у вас с косточками?
Дед, весь сморщенный, как высушенный на солнце финик, отвечает:

– Мальчики без косточек, а девочки с косточками.
– Да... – вздыхает за нашими спинами несчастного вида мужчина. – Иногда такие девочки попадаются – за всю жизнь не отплюешься.

Здесь все такое яркое и сочное: желтое, красное, зеленое, синее... И все пахнет пронзительно и громко. Я бы сделал, если бы мог, такой одеколон – «Ароматы базара». Свежая зелень, овощи, фрукты, соленья... Все это смешать по чуть-чуть, развести в голубом воздухе и немного прогреть утренним солнцем.

Рассказываю об этом папе.

– Тебе и запах метро нравится... – говорит.

– Ну да! И как лошади пахнут тоже!

– Даже не знаю, – сокрушается, – что с тобой делать?

– Зачем со мной что-то делать? – удивляюсь.

– Уже вроде и аденоиды тебе удалили...

– При чем тут аденоиды?

– Какие-то неправильные запахи тебе нравятся. Ну, ладно базар – это я еще могу понять, но все остальное...

– Что?

– Ты ведь и выхлопными газами занюхиваешься?

– Мне нравится, как пахнет бензин или что там машины выдыхают...

– То, что они выдыхают, называется токсинами и канцерогенами!

– Ладно, – соглашаюсь, – может, с выхлопными газами это и перебор, но «Ароматы базара» – отличная идея для одеколona или женских духов. Разве нет?

– Ну, не знаю... – морщится. – Все-таки от женщины вряд ли должно пахнуть редькой и чесноком...

– А чем, по-твоему, должна пахнуть женщина?

– Хороший вопрос... Даже не знаю... Может, мятой?

– Мятой?! Ха-ха! Как жвачка?

– Ну, или свежим воздухом после дождя...

– Сыростью, что ли?

– При чем тут сырость?

– Хочешь, чтобы она пахла мокрыми кошками?

– Тогда, может, солнцем и морем?

– Отличная идея! – смеюсь я специально громко и неестественно. – А чем пахнет море, по-твоему?

– Неужели тоже мокрыми кошками?

– Нет! У моря, – говорю, – ярко выраженный запах водорослей! Хочешь, чтобы от женщины пахло морской капустой?

– Знаешь, – говорит, – морская капуста пахнет все-таки лучше тушеной.

– Это да! – соглашаюсь. – Нет ничего хуже запаха тушеной капусты.

– Выхлопные газы – и то лучше!

– Точно! – поддерживаю.

Мы с папой терпеть не можем тушеную капусту. Ни на вид, ни на запах, ни на вкус! Никак!

– Хочешь, я сделаю шарлотку? – спрашивает.

– Конечно!

– Тогда пойдем яблоки покупать.

● ЧЕМ Я НЕ СТАНУ
РАССКАЗЫВАТЬ
СВОИМ ВНУКАМ

Когда папа решает что-то приготовить, часто в последний момент выясняется, что каких-то продуктов из списка не хватает.

Вот, например, однажды, когда он собрался сварить рисовую кашу, у нас не обнаружилось молока.

Тогда папа ненадолго задумался и говорит:

– Придется усовершенствовать этот рецепт. Думаю, если сделать рисовую кашу на кефире, будет еще вкуснее.

Хотя я сразу предложил:

– Может, все-таки сходим за молоком?

Но он же упрямый:

– Не вижу смысла, – говорит.

И все тут.

– Он ведь кислый – кефир! – пытаюсь его переубедить.

– Ну... а мы сахару добавим, если что. Представляешь, никому в голову не приходило варить кашу на кефире! А мы сварим! Будем первооткрывателями! Уверен, что на кефире даже вкуснее получится. Может, мы после этого только так и будем делать.

Смотрю – очень он воодушевился:

– Все начнут нас спрашивать: «Как это у вас такая прекрасная каша получается?». А мы не станем никому рассказывать, что мы ее на кефире делаем. Будет у нас такой секретный рецепт, как у «Пепси-Колы». Никто не должен знать, что мы в кашу добавляем для лучшего вкуса!

В общем, стоит над кастрюлей, помешивает и рассуждает:

– По большому счету, – говорит, – все открытия именно так и совершаются – смелым, неожиданным тактическим ходом!

Наконец, зачерпывает кашу ложкой и долго на нее дует.

– Хочешь попробовать? – предлагает.

– Давай лучше ты.

Пахнет, надо заметить, не очень. Недавно нашу собаку стошнило, когда папа по забывчивости дважды ее ужином накормил – такой же примерно стоял запахок.

– Зря отказываешься. Ты сейчас, между прочим, упускаешь шанс стать первым человеком на Земле, попробовавшим кашу на кефире. Ну, решайся! – и тянет ко мне ложку. – Внукам своим будешь потом рассказывать!

– Нет! – говорю решительно, мотаю головой, делаю шаг назад и крепко сжимаю зубы.

«Обойдутся, – думаю, – мои внуки без этой истории. Как-нибудь переживут».

– Ну, как знаешь.

И вот он пробует эту кашу. Уверенно так кладет себе в рот полную с горкой ложку. Смотрит куда-то в потолок, пару раз проворачивает нижней челюстью и делает несколько глотательных движений.

Тут лицо его неестественно удлинится и замирает. А пустая ложка в руке зависает в воздухе. И в такой странной позе он какое-то время стоит неподвижно, как дирижер перед

тем как первый раз взмахнуть своей палочкой. Я даже успеваю забеспокоиться.

– Ну как? – спрашиваю.

Тут он как будто внезапно приходит в сознание, опускает взгляд с потолка на меня:

– Что?

– На кефире-то лучше?

– В тысячу раз! – говорит. – Попробуй! Просто фантастическая каша! Неземная! Никогда не ел ничего подобного!

– Что, – спрашиваю, – даже сахару добавлять не надо?

– И так идеально! – зачерпывает кашу и снова мне протягивает. – Ну, пробуй уже! Это нечто!

Я неохотно слизываю с кончика ложки.

– Ну? А? Что скажешь?

Держу эту гадость во рту из последних сил. И проглотить невозможно, и папу обижать не хочется.

Тут он наклоняется ко мне и тихо так, почти шепотом говорит:

– Знаешь, по правде сказать, даже тушеная капуста вкуснее. Выплюнь, пока тебя не стошнило. Никогда больше не будем так делать.

МОЛЧАНИЕ ШАРЛОТКИ

Другое дело шарлотка. Я всегда помогаю ему почистить и порезать яблоки. А что, мне не сложно. Я режу яблоки, а он яйца взбивает. Режу я их одинаковыми аккуратными тонкими дольками, одна к одной, как будто бы я специальный прибор для нарезки яблок, а не человек. Другой бы на моем месте покровсал как бог на душу положит – лишь бы побыстрее. Потом выкладываю дольки на противень, а папа заливает их тестом и ставит шарлотку в печку. Мне нравится наблюдать через стекло духовки, как она поднимается, подрумянивается, и кухню обволакивает теплый запах корицы и ванили. Тоже, думаю, хорошие духи могли бы получиться «Аромат шарлотки»!

– Когда-то давно, – говорит папа, – у меня был роман с одной барышней, которая училась в институте пищевой промышленности и в тот момент как раз писала курсовую работу на тему «Роль фруктовой начинки в карамели „Помпадур“». Какое, видимо, счастье быть ее мужем упущено навсегда!

– От нее пахло корицей и ванилью? – спрашиваю.

– Может быть. Я уже и не помню, – вздыхает. – Давно это было.

Папа берет коробочку с зубочистками, достает одну и приоткрывает дверцу печки.

– Зачем ты в шарлотку зубочисткой тычешь? – интересуюсь.

– Чтобы проверить – готова или нет, – отвечает.

– И как ты это поймешь?

– Не знаю, если честно, – признается. – Но я часто видел, что так делают. Может, когда ее зубочисткой в бок колешь, она должна вскрикивать: «Ой-ой!»?

– Шарлотка? – на всякий случай уточняю. – Вряд ли она с тобой будет разговаривать при ста восьмидесяти градусах по Цельсию.

– Ну, зачем-то же они это делают? – снова втыкает в нее зубочистку и ждет реакции.

– Молчит... – замечаю.

– Как рыба! – добавляет и смотрит на шарлотку недобро.

И тут я вспоминаю:

– У нас в детском саду была повариха. Она, когда макароны готовила, знаешь, как проверяла, сварились они или нет?

– Ну и как? – интересуется.

– Доставала одну макаронину из кастрюли и – бац! – что есть силы бросала ее в стену!

– Странно! Зачем она так делала? – удивляется папа.

– А очень просто: если макаронина прилипла – значит,

сварилась, а если отваливалась и падала на пол, то выходит – еще нет.

– Она со всей едой так поступала? – спрашивает.

– Не знаю, – говорю. – Но с макаронами точно.

– Интересно! Надо взять на вооружение, – и по сторонам смотрит.

– Ты чего, – спрашиваю, – стену выбираешь?

БОТНИКАМИ

Как-то утром папа говорит:

– Скоро зима, а у тебя теплых ботинок нет. Гидрометцентр сообщает, что завтра ожидаются заморозки. Так что сейчас мы с тобой в обувной поедем.

– Сегодня же воскресенье! Не хочу никуда ехать! Тем более в обувной!

– А когда же, если не в воскресенье? Все другие дни у нас заняты. Заморозки на носу! Давай собирайся, поедем в магазин! – командует.

Вижу, спорить с ним бесполезно.

– Ладно, – говорю, – только чаю выпью с шарлоткой.

– Хорошо, – соглашается.

После чая с шарлоткой совсем не хочется куда-то тащить-ся за этими ботинками.

– Что-то у меня живот разболелся.

– Странно, – говорит папа. – Только что вроде все нормально было.

– Да, странно, – соглашаюсь. – Пойду полежу немного, а как пройдет – сразу в магазин поедем.

– Ну-ну... – отвечает.

Ложусь и кино включаю. Так не хочется на улицу вылезать из-под пледа, если б вы знали! Особенно в магазин – ходить там, выбирать, потом мерить... Обычно полдня на это уходит. То еще развлечение в единственный выходной. Ненавижу Гидрометцентр и вот это все!

Я и не заметил, как кино закончилось. Такой увлекательный фильм!

Тут папа в дверях появляется:

– Ну что, прошел живот?

– Живот прошел, – говорю. – Только знаешь, кажется, у меня температура поднимается.

– Давай измерим, – предлагает таким тоном, как будто я вру.

И идет за термометром. Сует мне его подмышку, рядом садится и ждет.

– Ну, видишь, нормальная температура. Можно и за ботинками.

– Не хочешь в шахматы поиграть? – спрашиваю.

Обычно он никогда не отказывается. А тут:

– Ну хватит уже! Собирайся!

– Ну одну партию, – говорю, – и сразу поедem за ботинками.

– Уффф... – громко выдыхает. – Но только одну!

– Одну, – соглашаюсь.

Только начали играть, как он объявляет:

– Шах и мат!

Ну, я там просто коня не увидел. Если бы не этот конь...

Говорю:

– Давай перехожу?

– Нет!

– Ну, тогда еще одну сыграем?

– Одна уже была! Мы как договаривались? Поехали уже!

Смотрю – спорить бесполезно. Обреченно бреду в коридор одеваться. И без того настроение было паршивое из-за того, что за ботинками ехать, а тут еще и в шахматы проиграл. Вдвойне обидно! Вполне мог выиграть, если бы не этот конь...

Спускаемся в метро по эскалатору.

– Далеко нам ехать? – спрашиваю.

– Не очень, – отвечает. – Минут двадцать.

– А потом еще пешком идти? – решаю на всякий случай уточнить, чтобы заранее представить, что еще придется вынести.

– Нет, – говорит, – пешком не надо. – Там сразу на автобус сядем.

– Ого! И долго на автобусе?

– Не очень.

– А потом?

– Потом на электричку надо будет пересестъ.

– Еще на электричку? Нет! Мы так не договаривались!
Это очень далеко!
Настроение у меня и раньше было ужасное, а тут совсем

отвратительным сделалось – хуже некуда.

– На метро, на автобусе и еще на электричке! Что, ближе магазинов нет? Зачем на край света за ботинками ехать?

– Никакой не край! – возражает. – Просто электричкой удобнее до речного вокзала добраться.

– Это еще зачем?

– Там на катер пересядем и, считай, приехали. Точнее – приплыли.

Я просто вне себя:

– А после катера на чем еще надо будет ехать, плыть, лететь? Сразу скажи! Что там еще осталось? Вертолеты, дирижабли, подводные лодки, верблюды?.. Не нужны мне никакие ботинки!

Только что казалось, настроение хуже некуда. Но тут уже ясно, что есть куда! Все, оказывается, еще хуже! Разворачиваюсь и иду назад. Эскалатор едет вниз, а я иду вверх, в старых осенних ботинках. Очень медленно получается. Почти на месте топчусь. Люди за поручни держатся и на меня смотрят с любопытством, а я стараюсь ни на кого не смотреть. Кажется, всю жизнь придется так идти. Но в любом случае это лучше, чем на метро, потом на автобусе, потом на катере, потом еще неизвестно на чем. Лучше уж босым ходить всю зиму! Скорее бы уже эти заморозки! Я сразу представляю, как хлюпаю голыми пятками по отвратительной холодной жиже, по грязному обжигающему снегу, по скользким замерзшим лужам, и корка льда трещит под моими ногами...

И так себя жалко становится!

Тут папа догоняет меня и говорит:

– Сначала я полчаса ждал, пока ты попьешь чаю с шарлоткой. Так? Потом еще полтора, когда у тебя перестанет живот болеть и кино закончится. Верно? Потом, когда понизится температура, когда ты в шахматы наиграешься... Но я не устраивал тебе никаких скандалов, не кричал на тебя, не шел задом наперед по эскалатору. Я уж не говорю о том, что ботинки мы едем покупать не мне, а тебе!

– Не нужны мне никакие ботинки!

– Да ладно тебе, – говорит. – Хватит дуться. Разворачивайся! Плыви по течению – так быстрее. Тем более что нам всего-то одну остановку проехать и все.

ЖУТКОЕ ВРЕМЯ

Не знаю, как я тут оказался. Просто очнулся в крошечной тьме, совсем без одежды. Тут сыро и очень тесно. И тихо, да. Иногда, правда, раздаются какие-то звуки, но я слышу их, как будто из под толщи воды. Только один женский голос звучит чаще других и, кажется, совсем рядом, но слов все равно не разобрать. Тут нет даже небольшого окошка, даже щелочки, чтобы хоть одним глазком увидеть, что происходит снаружи, день или ночь, лето или зима? Совершен-

но не помню, как я сюда забрался, и не представляю, как отсюда выбираться.

Папа говорит, что однажды я поинтересовался у мамы:

– А где я был, когда меня еще не было?

– У меня в животе, – ответила она.

– Ты меня съела? – зачем-то спросил я, хотя и так было понятно.

Сейчас, когда я уже почти взрослый, с трудом представляю себе, что находился в животе у мамы практически целый учебный год. Мне бывает сложно высидеть сорок пять минут за партой. Ума не приложу, чем я там занимался все это время. Да еще в полной темноте! Ни разу не выходя на прогулку и даже не имея возможности пригласить кого-нибудь в гости, без компьютера и телефона, совершенно один! Это все равно, что застрять в лифте на девять месяцев, даже еще хуже.

В общем, не знаю, как я все это пережил. Жуткое было время! Но совершенно точно – больше я на такое ни за что не соглашусь.

Папа, естественно, сильно обо мне беспокоился все то время, что я был у мамы в животе: как я там себя чувствую? все ли со мной хорошо? получится ли у меня удачно родиться? буду ли я похож на него? И хотя я находился совсем рядом, никакой связи со мной не было. В общем, волноваться за меня он начал задолго до моего рождения.

– Когда твоя мама была беременна, – рассказывает, – она

уговорила меня пойти вместе с ней в поликлинику. Там есть специальный аппарат. Он исследует организм человека с помощью ультразвуковых волн, называется УЗИ и позволяет увидеть тебя на мониторе еще до появления на свет.

– Ты меня видел, когда я был у мамы в животе? – удивляюсь. – И что я там делал?

– Что делал! Сидел тихо в позе эмбриона, даже в носу не ковырял.

– В какой еще позе?

– Эмбриона.

– Как это?

– Свернувшись калачиком, сидел, как все эмбрионы.

– Ты тоже был эмбрионом?

– А как ты думаешь? Все через это проходят, – вздыхает.

– Совсем ничего не помнишь?

– Когда я был эмбрионом?

– Ну да!

– Нет, но зато я отлично помню то время, когда эмбрио-

ном был ты. Так вот, мы с твоей мамой пришли делать ей УЗИ, доктор долго всматривалась в экран и вдруг говорит мне: «Вот яички вашего мальчика!». Там действительно ничего не было видно, кроме яичек. Ночью я не мог заснуть. Ворочался и представлял, что вот родятся яички. Одни только яички и все. Как мы их назовем? Как сложится их дальнейшая судьба?

Но даже после того, как я благополучно появился на свет, он не перестал волноваться. Он переживает всегда и по любому поводу: не замерз ли я и не слишком ли мне жарко, дошел ли до школы и вернулся ли домой? Если болею, он измеряет мне температуру каждые полчаса. Однажды он позвонил в администрацию бассейна, в который я хожу на плавание, чтобы узнать, не утонул ли я.

Папа оправдывается тем, что если бы, кроме меня, у него было еще несколько детей, ему было бы спокойнее. Потому что, если с одним что-то случится, то останется еще несколько про запас. А так – всегда приходится быть настороже.

СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ

Лег я спать и свет уже потушил. Тут папа заходит в комнату и говорит:

– Спокойной ночи, – целует меня в лоб и собирается уходить.

А я ему:

– Подожди!

– Чего?

– Расскажи что-нибудь страшное перед сном.

– Это еще зачем? – удивляется.

– Просто, – отвечаю, – хочется напугаться. Ну пожалуйста!

Он садится на край кровати и какое-то время хмуро молчит. Видимо, вспоминает разные кошмары из собственной жизни. Я лежу тихо и жду, когда он с мыслями соберется. В комнате почти темно, только из полуоткрытой двери льется невнятный свет и ровно по линии носа делит папино лицо на две части. Одну как бы хорошо видно, а другую почти нет – только глаз поблескивает в темноте. И вот папа даже немного прокашливается и, кажется, сейчас начнет страшную историю рассказывать. Но вместо этого он вдруг спрашивает:

– Хочешь, чтобы у тебя волосы дыбом встали от испуга?

– Очень! – говорю и машинально по голове рукой провожу.

– Хочешь трястись от страха? – интересуется, и глаз в тем-

ноте сверкает.

– Ага, было бы здорово! – шепчу.

– Хочешь, чтобы сердце замирало от ледящего ужаса?

– Вроде того, – отвечаю каким-то не своим голосом.

Чувствую, как мне уже становится немного жутковато от такого вступления. Я даже поерзал немного в постели, подушку поправил и одеяло подтянул, чтобы не так страшно было бояться.

– Я смотрю, ты полноценно так собираешься ужаснуться?

– Еще бы! – отвечаю весь в нетерпении.

– Основательно так?

– Да!

– По-взрослому?

– Ну конечно!

– Со спазмами желудка?

– Чего?

– С тошнотой и поносом?

– Причем тут?

– С холодным потом, произвольным мочеиспусканием, со всеми делами?

– Какими еще делами? Ничего этого мне не надо! – я ему говорю.

– Ну, как так не надо? Если сильно пугаешься, то обычно так и происходит.

– А как-нибудь по-другому страшную историю послушать, что, никак не получится?

– Получится, конечно, – говорит, – но это уже не то. Не так интересно и захватывающе.

Честно говоря, я как-то сразу передумал пугаться. Вот только что вроде хотел, даже очень, а тут чувствую – совсем куда-то желание пропало.

– А у тебя так было когда-нибудь? – спрашиваю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.